

**Политика Германии и СССР в отношении Польши
(октябрь 1938 г. – август 1939 г.)**

В конце 30-х годов Польше суждено было сыграть крайне важную роль на международной арене, в значительной степени повлиявшую на ход, продолжительность и в конечном счете на политические итоги Второй мировой войны. Эта роль не являлась следствием целенаправленных действий польского правительства, вместе с тем именно его позиция в силу взаимодействия ряда преимущественно внешних факторов *volens-nolens* обрела на определенном этапе ключевое значение, во многом скорректировав или даже определив расстановку главных игроков на Европейском континенте в 1939 г. и их конкретные шаги.

Во внешнеполитической программе Гитлера Польша в качестве самостоятельного объекта будущей нацистской экспансии не упоминалась. Однако можно предположить, что решение ее судьбы рассматривалось фюрером в рамках общей задачи завоевания «жизненного пространства» на Востоке и его германизации. Свое понимание этого процесса он сформулировал еще в 1928 г., отметив, что будущее «народное» (*völkisch*) государство во главе с национал-социалистами «ни при каких обстоятельствах не должно насильственно присоединять поляков с намерением однажды сделать из них немцев. Напротив, оно должно принять решение: либо изолировать эти расово чуждые элементы <...> либо вообще удалить их без лишних церемоний и передать освободившуюся землю соотечественникам»¹.

Несмотря на неизменную приверженность своей внешнеполитической программе, особенно ее расовым компонентам², несмотря на гипертрофированный

¹ *Hitler A.* Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933 / Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. München, 1995. Bd. II A. S. 37. В общем виде эти идеи присутствовали уже в «Майн Кампф» (*Hitler A.* Mein Kampf. München, 1934. S. 429-430).

² *Jäckel E.* Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft. Stuttgart, 1986. S. 55-78.

антиславянский комплекс³, Гитлер по тактическим соображениям, во имя реализации более важных планов, всегда был готов временно урегулировать отношения практически с любой страной, даже в том случае, если это требовало резкого изменения внешней политики Германии. Впервые он продемонстрировал эту способность именно в отношениях с Польшей, подписав с ней в январе 1934 г. соглашение о ненападении сроком на 10 лет, серьезно улучшившее позиции третьего рейха на континенте и тем самым его возможности по подготовке к войне. При этом проблемы, на протяжении полутора десятка лет обременявшие эти отношения – Данциг, Польский коридор, положение немецкого и польского национальных меньшинств, – никуда не исчезли, а были переведены Гитлером в категорию «отложенного спроса», время от времени в той или иной форме напоминая о себе. Поэтому дальнейшее развитие германо-польских отношений в решающей степени зависело как от реализации внешнеполитических планов Гитлера, так и от готовности польского руководства содействовать или противодействовать воплощению их в жизнь. Стремление нацистского руководства максимально подключить Польшу к своей античехословацкой политике продемонстрировало как эту взаимосвязь, так и те пределы, за которые Гитлер ни при каких обстоятельствах не собирался выходить в отношениях с Варшавой.

В итоге «польский фактор» был в полной мере использован Гитлером в ходе чехословацкого кризиса. Вовлеченная за весьма умеренную цену (кстати сказать, из «чужого кармана») Польша вполне оправдала возложенные на нее в Берлине надежды. Правда, сама она, несмотря на «приобретение» важной в экономическом отношении Тешинской области, оказалась внешнеполитически крайне ослабленной. Соучастие в дележе «добычи», к тому же предпринятое вне согласованных в Мюнхене процедур, не могло не сказаться на ее международном положении. Отношения Польши с западными державами подверглись серьезному испытанию и на какое-то время значительно ухудшились, как, впрочем, и польско-советские отношения. При этом польско-германские отношения, несмотря на периодическую

³ См.: *Borrejsza J.W.* Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

публичную похвалу в их адрес Гитлера, не претерпели кардинальных изменений. Они, по-прежнему, содержали в себе комплекс нерешенных проблем, как и в предшествовавшие годы. Между тем резко изменилось (не в пользу Польши) геостратегическое и военно-экономическое положение обоих государств и соответственно соотношение их сил и возможностей на международной арене.

К началу 1938 г. и прежде никогда не отличавшиеся теплотой отношения СССР и Польши несли на себе отпечаток явных «заморозков». На протяжении двух последних лет не прекращалась резкая полемика в печати обеих стран, порой выходявшая за рамки приличия. Показателем явного неблагополучия в советско-польских отношениях являлось и отсутствие в Варшаве полпреда СССР (с ноября 1937 г. по июнь 1939 г.), что сужало и без того ограниченные возможности советской дипломатии. Среди причин, объясняющих позицию Советского Союза на польском направлении, на мой взгляд, можно выделить две основные: глубоко укоренившуюся неприязнь Сталина к Польше еще со времени поражения в польско-советской войне 1920 г. и прогерманский крен во внешней политике министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Последнее, естественно, не могло не сказаться на оценках, поступавших по дипломатическим каналам. Согласно информации, поступавшей в Наркоминдел, «возможная тотализация и без того уже фашистского режима (в Польше. – С.С.), несомненно, будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в объятия Гитлера»⁴, отношения с которым представлялись важной частью «польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом»⁵.

Сама по себе Польша не могла представлять угрозы для СССР. И это прекрасно понимали в Кремле, но доминировавшее во внешней политике советского государства влияние субъективного фактора наряду с усилением прогерманских

⁴ Письмо временного поверенного в делах СССР в Польше Б.Д. Виноградова в НКВД, 12.11.1937 г. // Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. I–XXIII. М., 1957–1998. Т. XX. Док. 407. С. 604.

⁵ Письмо полпреда СССР в Польше Я.Х. Давтяна наркому иностранных дел М.М. Литвинову, 26.04.1937 г. // Там же. Док. 124. С. 194.

тенденций во внешней политике Варшавы и одновременно наличие в ней антисоветского комплекса сформировали у Сталина и соответственно в Наркоминделе устойчивый антипольский синдром, лишь слегка прикрытую враждебность к государству, существование которого отвечало насущным геостратегическим интересам Советского Союза. Однако для Сталина не существовало такого понятия, как «сбалансированный компромисс интересов». Для него значимыми величинами во внешней политике прежде всего были «сила» и «страх», что в полной мере проявилось в отношении Польши в 1938-1939 гг.

Чехословацкий кризис и его кульминация в Мюнхене, откровенно экспансионистская политика Польши, ставшей по выражению одного немецкого дипломата, «гиеной поля боя»⁶, хотя и обострили советско-польские отношения, но не привели к их резкому ухудшению. Прошло несколько недель после Мюнхена и сначала Варшава, а затем и Москва начали демонстрировать стремление к улучшению двусторонних отношений. Правда, произошло это лишь тогда, когда и польское, и советское руководство обнаружили в некоторой стабилизации между двумя странами или в ее только видимости дополнительные возможности каждой из сторон в сложной игре с нацистской Германией.

II

По мере того как осенью 1938 г. Гитлер и его военные штабы все больше уделяли внимания выработке антизападной стратегии, на передний план в политико-дипломатической сфере стала выдвигаться «польская проблема». Именно Польше отводилась ключевая роль обеспечении тыла Германии на востоке в грядущей западной кампании. Принимая во внимание наличие нерешенных вопросов, своего рода «болевых точек» германо-польских отношений, Гитлер действовал осторожно и неторопливо.

⁶ Kordt E. Nicht aus den Akten... Die Wilhelmstraße in Frieden und Krieg; Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928–1945. Stuttgart, 1950. S. 286.

Прежде чем начать дипломатическое наступление на польском направлении, Гитлер сделал ряд жестов, сочетавших политику «кнута и пряника» в отношении Варшавы. Так, он погасил чуть было не возникший в первой декаде октября 1938 г. конфликт из-за чешского города Одерберга, который пытались занять германские войска, в то время как на него претендовала Польша⁷. Несмотря на возражения ОКВ и МИД, фюрер решил передать его Польше, уведомив Риббентропа о том, что он не хочет «торговаться с поляками из-за каждого отдельного города»⁸. Гитлер также осадил некоторых особо ретивых функционеров, запретив прессе недружественные публикации о Польше, в частности о положении там национальных меньшинств⁹. Затем он распорядился, чтобы все инстанции, занимавшиеся проблемами Закарпатской Украины, приглушили проукраинскую пропаганду, т.к. «принимая во внимание германо-польские отношения», необходима «величайшая осторожность при обсуждении украинских дел»¹⁰. Даже в особо «чувствительном» для руководства третьего рейха вопросе – расовом, осложнившем в октябре 1938 г. германо-польские отношения, оно продемонстрировало несвойственную ему в таких случаях готовность к компромиссу¹¹. Нельзя не упомянуть также

⁷ О переговорах и служебной переписке по вопросу принадлежности г. Одерберга см.: ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 17. S. 21; Bd. V. Dok. 59-63, 65, 66; см. также: *Wojciechowski M.* Die polnisch-deutschen Beziehungen 1933-1938. Leiden, 1971. S. 517-522.

⁸ См.: Aufzeichnung des Legationsrat Hewel (Persönlicher Stab RAM) vom 5.10.1938 // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 62. S. 71.

⁹ См.: Aufzeichnung des Leiters der Nachrichten- und Presseabteilung des AA vom 13.10.1938 // Ibid. Dok. 70. S. 78.

¹⁰ Ibid. Dok. 82. S. 90. Anm. 1.

¹¹ Речь шла о депортации из Германии 17 тыс. евреев, имевших польское гражданство, которого польское правительство в рамках своей политики государственного антисемитизма решило их лишить, что, в свою очередь, вызвало ответные законодательно-репрессивные меры третьего рейха (Ibid. Dok. 84. S. 93; Dok. 91. S. 98-99; подробнее см.: *Goldberg B.* Die Zwangsausweisung der polnischen Juden aus dem Deutschen Reich im Oktober 1938 und die Folgen // Zeitschrift für Geschichtswissen-

о том, что, принимая в середине октября бывшего премьер-министра Венгрии К. Дараньи, Гитлер затронул вопрос о возможном дальнейшем пересмотре карты оставшейся части Чехословакии в пользу заинтересованных государств, правда, при условии, если Германия, Венгрия и Польша создадут прочный военно-политический блок¹².

Однако в эти первые недели октября прослеживалась и другая, жесткая позиция Гитлера в отношении Варшавы, заметно активизировавшей свою внешнюю политику после оккупации Тешинской области. К этому времени Бек «вдруг» осознал, что уменьшенная в размерах Чехословакия фактически полностью попала под влияние Германии, а значит, может быть использована последней для изоляции Польши от стран Дунайского бассейна и Италии, что Закарпатье может быть превращено в базу влияния третьего рейха на области Польши, заселенные украинцами. В целях предотвращения или, по меньшей мере, смягчения последствий этих эвентуальных действий Берлина Бек предпринял в октябре 1938 г. ряд энергичных шагов, направленных на реализацию своей давней мечты – обретения общей границы с дружественной Польше Венгрией¹³.

Подобная активность польского министра, разумеется, не осталась незамеченной в Берлине. Гитлер решил продемонстрировать и Польше, и Венгрии, кто отныне является хозяином в Центральной Европе. Он категорически запретил Венгрии предпринимать какие-либо действия, направленные на изменение статуса

schaft. 1998. H. 11. S. 971-984; *Tomaszewski J.* Auftakt zur Vernichtung: die Vertreibung polnischer Juden aus Deutschland im Jahre 1938. Osnabrück, 2002, u.a.

¹² См. запись беседы Гитлера с бывшим премьер-министром Венгрии К. Дараньи 14.10.1938 г. (ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 62. S. 71).

¹³ См.: *Roos H.* Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957. S. 358-366; *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937–сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 238-240, 250-251, 266, 277.

Словакии¹⁴. Он также пресек любые поползновения Польши, связанные с территориальными притязаниями на этот раз на чешскую область между Остравицей и Тешинем с ее важными промышленными центрами Остравской Моравией и Витковицами¹⁵.

Эти и последующие шаги Гитлера свидетельствовали о продуманной им стратегической линии, сочетавшей различные методы, но преследовавшей одну цель, о которой он скажет 10 месяцев спустя: «Поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада»¹⁶. Под «приемлемыми отношениями» Гитлер понимал прежде всего три «да» польского правительства: 1) согласие на включение Данцига в состав Германии; 2) согласие на строительство экстерриториальных авто- и железнодорожных магистралей через Польский коридор; 3) присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту.

Выполнением этих условий Польша должна была создать гарантии лояльного Берлину поведения в ходе западной кампании рейха. В этом случае часть ее территории и выход в Балтийское море оказывались бы под жестким контролем вермахта, а присоединение к Антикоминтерновскому пакту не только лишало польскую политику даже видимости балансирования между ее соседями на востоке и западе, но и автоматически противопоставляло Варшаву Парижу и Лондону, военному поражению которых ей надлежало бы способствовать. В итоге принятие перечисленных условий, составляющих основу немецкого плана так называемого генерального урегулирования двусторонних отношений, изложенных Риббентропом

¹⁴ См. запись беседы Риббентропа с премьер-министром Словакии Й. Тисо и заместителем премьер-министра Ф. Дурчанским 19.10.1938 г. (ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 72. S. 82).

¹⁵ См. запись о беседе статс-секретаря МИД Э. фон Вайцеккера с польским послом в Германии Й. Липским 12.10.1938 г. (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 69. S. 78).

¹⁶ Ansprache des Führers vor den Oberbefehlshabern am 22.08.1939 // Ibid. Bd. VII. Dok. 192. S. 168.

в ходе многочасовой беседы с польским послом 24 октября 1938 г.¹⁷, неизбежно низвело бы Польшу до уровня даже не младшего партнера, а лишь покорного сателлита Германии.

Несмотря на то что польский посол, выслушав 24 октября все предложения и аргументы Риббентропа, связанные с «генеральным урегулированием» двусторонних отношений, тут же определенно и решительно указал на «отсутствие возможности для соглашения», предполагавшего вхождение Данцига в состав Германии¹⁸, рейхсминистр просил не спешить с ответом и лично передать министру иностранных дел Беку содержание его предложений. Не прошло и нескольких часов, как Риббентроп вновь пригласил к себе Липского, что свидетельствовало уже о явном нетерпении Гитлера, и, не дожидаясь официального ответа Варшавы на предложения Берлина, выложил свой первый «козырь» – Закарпатскую Украину. По словам Риббентропа, желание Польши, чтобы эта область была присоединена к Венгрии, могло бы найти благоприятное решение, если Германия и Польша достигнут соглашения по всему пакету германских предложений¹⁹.

Липский получил от своего руководства инструкции для ответа на германские предложения уже 1 ноября, но Риббентроп не спешил принимать его. Можно предположить, что он умышленно тянул время, демонстрируя возросшее влияние Германии в Центральной Европе, и, пытаясь тем самым, повлиять на позицию Варшавы, которая в общих чертах была уже известна²⁰.

¹⁷ См. немецкую запись беседы Риббентропа с Липским в Бертехсгадене 24.10.1938 г. (Ibid. Bd.V. Dok. 81. S. 87-89) и отчет о ней польского дипломата (*Lipski J. Diplomat in Berlin, 1933-1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland / Ed. by W. Jedrzejewicz. New York; London, 1968. Doc. 124. P. 453-458*).

¹⁸ См.: Weißbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjet-russischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939. Basel, 1940. Dok. 44. S. 62; *Lipski J. Op. cit. Doc. 124. P. 454*.

¹⁹ ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 81. S. 89.

²⁰ Германский посол в Варшаве Х.-А. фон Мольтке, анализируя возможные варианты развития польской внешней политики в послеюнхенский период, пришел к выводу, что Бек под влиянием усиления германских позиций в Европе вряд ли ее

Наконец 19 ноября рейхсминистр принял польского посла, который, подчеркнув традиционно важное значение Данцига для экономических интересов Польши, предложил изменить правовой статус этого города, основанный на статуте Лиги Наций, на регулируемый двусторонним польско-германским соглашением. По существу, это являлось единственным ответным предложением польской стороны на германский меморандум от 24 октября²¹. При этом Липский предупредил, что проблема статуса Данцига всегда была и остается для Польши ключевой²², поэтому одностороннее его изменение «неизбежно приведет к очень серьезному конфликту с Германией»²³. Из записи, сделанной польским дипломатом, следует, что рейхсминистр был готов к негативной реакции Варшавы, но тем не менее задал беседе «ярко выраженный дружественный тон». Более того, он попытался создать впечатление, что пакет германских предложений – это его личная инициатива, о которой он говорил с Гитлером «лишь в неопределенной форме». Риббентроп не преминул также заверить Липского, что «образ действий рейха в отношении Польши будет иным, чем это имело место по отношению к г-ну Бенешу», так как рейхсминистр вовсе не стремится омрачать германо-польские отношения, а «только проникнут желанием» их стабилизировать и «ищет решения в этом направлении»²⁴. Скорее

переориентирует и начнет опираться на Берлин (Telegramm des deutschen Botschafters in Warschau an das AA vom 8.10.1938 // Ibid. Dok. 64. S. 74).

²¹ Касательно других пунктов, содержащихся в пакете германских предложений, то из полученных Липским инструкций можно заключить, что он просто не был уполномочен их обсуждать (см.: Инструкции министра иностранных дел Бека послу Липскому от 31.10. 1938 г.; Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 45. S. 63–66).

²² О роли Данцига в германо-польских отношениях накануне Второй мировой войны см.: *Prazmowska A. J. The Role of Danzig in Polish-German Relations on the Eve of the Second World War // The Baltic and the Outbreak of the Second World War / Ed. by J. Hiden, Th. Lane. Cambridge, 1992. P. 74–94.*

²³ Запись беседы Риббентропа с Липским 19.11.1938 г. (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 101. S. 107; *Lipski J. Op. cit. Doc. 127. P. 465-469.*

²⁴ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 46. S. 67.

всего, Риббентроп не обнаружил своего недовольства негативной реакцией Польши на германские предложения, чтобы не обострять преждевременно ситуацию и сохранить возможность для визита Бека в Берлин и его личной встречи с Гитлером. Не исключено, что рейхсминистр избрал подобную тактику по личной инициативе²⁵, не желая брать на себя всю ответственность за неудачу на столь важном направлении германской внешней политики.

Спустя несколько дней, 24 ноября, начальник штаба ОКВ генерал В. Кейтель сделал по указанию Гитлера дополнение к его директиве от 21 октября 1938 г., предусматривавшее «подготовку к внезапному захвату немецкими войсками свободного государства Данциг»²⁶. В документе было специально оговорено, что война с Польшей высшим руководством рейха не планируется. Тем не менее внесение указанного дополнения в директиву ОКВ спустя всего пять дней после получения официального ответа польского правительства, касавшегося Данцига, свидетельствовало о том, что возможны и иные решения этого вопроса. Другое дело – приближало ли Гитлера подобное, т.е. силовое, решение к осуществлению принципиальной задачи – обеспечению тыла на востоке ввиду предлагаемого столкновения с западными державами. Очевидно, нет, хотя бы по причине ограниченного характера данной акции. Гитлер это понимал и потому не спешил с ее реализацией. И все-таки указание вермахту – быть готовым к захвату Данцига говорило о том, что Гитлер недоволен позицией Польши и намерен в случае необходимости использовать самые разные средства «убеждения».

К этому же времени относится постепенное ужесточение германской политики в отношении Польши. Во-первых, Гитлер наложил категорический запрет на

²⁵ На эту мысль наводит сопоставление немецкой и польской записей беседы от 19 ноября: позиция Риббентропа в немецкой записи выглядит более твердой, чем в польской.

²⁶ Первое дополнение от 24.11.1938 г. к директиве ОКВ от 21.10.1938 (Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949. (далее: IMT). Doc. 137-C. Vol. XXXIV. P. 482).

военную акцию Венгрии по захвату Закарпатской Украины²⁷, которая во многом была инициирована Польшей. Во-вторых, в ходе беседы с Липским Риббентроп выразил неудовольствие по поводу неожиданного для Берлина польско-советского коммюнике (см. ниже), которое «не совсем соответствует дружественным отношениям» между Берлином и Варшавой²⁸. В то же время был смягчен запрет на освещение положения национальных меньшинств в Польше для региональных газет в Германии²⁹. А уже 15 декабря, принимая в очередной раз польского посла, Риббентроп указал ему на «невыносимое» положение немецкого меньшинства в отошедшей к Польше Тешинской области Чехословакии³⁰. При этом рейхсминистр заметил, что в рамках «глобального урегулирования» двусторонних отношений необходимо рассмотреть и положение национальных меньшинств³¹. Последнее являлось уже новым, ранее не фигурировавшим в пакете германских предложений пунктом, который напоминал о недавней практике Берлина — использования проблемы немецкого нацменьшинства в целях обострения чехословацкого кризиса. И еще один небезынтересный момент, связанный с этой беседой. Пожалуй, впервые за время встреч с польским послом Риббентроп сформулировал, чего же ожидает Берлин в общем плане от Варшавы. По его словам, Польша долж-

²⁷ См.: ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 131-134; Bd. V. Dok. 104. S. 112-113.

²⁸ Запись беседы Риббентропа с Липским 2.12.1938 г. (Ibid. Bd.V. Dok. 106. S. 114). Весьма характерно для германской политики лавирования в отношениях с Польшей, данное Министерством пропаганды указание прессе — не выражать сожаления по поводу этого советско-польского коммюнике, которое должно «освещаться доброжелательно, но представляться совершенно несущественным» (NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit. Edition u. Dokumentation. Bd. 6/III: September bis Dezember 1938 / Bearb. von K. Peter. München, 1999. Dok. 3433. S. 1133).

²⁹ Aufzeichnung des Leiters der Nachrichten- und Presseabteilung des AA vom 5.12.1938 // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 110. S. 118.

³⁰ Запись беседы Риббентропа с Липским 15.12.1938 г. (Ibid. Dok. 112. S. 119).

³¹ О положении немецкого национального меньшинства в Польше см.: Kotowski A.S. Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939. Wiesbaden, 1998. S. 217-351.

на проводить свою внешнюю политику, основываясь на традициях Пилсудского и широте его подхода к международным проблемам, т.е. «считаться с германскими интересами» и «не оказывать сопротивления известным естественным и неудержимым процессам». «Германия, – подчеркнул рейхсминистр, – настроена антиросийски и уже по этой причине приветствует сильную Польшу, которая защищала бы свои интересы перед Россией»³². По существу, Риббентроп достаточно откровенно и сжато изложил послу требования, выполнение которых неизбежно привело бы Польшу к утрате самостоятельности во внешнеполитической сфере и превращению ее в германский бастион против СССР в ходе замышлявшейся Гитлером войны с западными державами, хотя о ней ничего не было сказано.

III

После Мюнхена приоритетной внешнеполитической задачей Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией. В ходе ее реализации одним из существенных элементов многоходовой комбинации Кремля были отношения с Польшей. Прежде всего, следовало разорвать или, по крайней мере, резко ослабить сформировавшийся, как представлялось в Москве, тандем Варшавы и Берлина. Ухудшение, насколько возможно, польско-германских отношений должно было создать базу для сближения с третьим рейхом, прежде всего за счет Польши. В основе этого сценария лежало не лишнее резонов убеждение Сталина в том, что в преддверии конфликта с Западом «Гитлеру нужно иметь на Востоке спокойный тыл»³³.

В первую очередь было необходимо снять напряженность в советско-польских отношениях путем активизации дипломатических контактов. Это потребовало определенных усилий. Средством вовлечения Варшавы в деловые беседы было избрано... ее запугивание перспективой советско-германского сближения с

³² ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 112. S. 119.

³³ Гальянов В. [псевдоним В.П. Потемкина] Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 64.

«логически» вытекающими из него последствиями для Польши. Этот «пробный шар» В.П. Потемкин запустил в беседе с французским послом в СССР Р. Кулондром уже 4 октября 1938 г. При этом заместитель наркома иностранных дел не сказал ничего нового по сравнению с изложенным им же в открытой печати в апреле 1938 г.³⁴, лишь заметив, что «Польша подготавливает свой четвертый раздел»³⁵.

Так или иначе, не прошло и 10 дней после того, как Польша реализовала свой ультиматум Чехословакии, оккупировав ее Тешинскую область, и посол в Москве В. Гжибовский был принят Потемкиным. В состоявшейся двухчасовой беседе выделим два момента. Заявление Потемкина, что Москва готова к сотрудничеству и «никакая протянутая Советам рука не повиснет в воздухе»³⁶. И не менее важный момент – полное отсутствие каких-либо упоминаний по поводу соучастия Польши в разделе Чехословакии. Последнее было крайне важно, ибо демонстрировало желание Москвы «забыть» о случившемся и сделать шаг навстречу Варшаве, где этот сигнал восприняли. Почему? Представляется наиболее вероятным, что Бек был немало разочарован тем, что Польша не оказалась среди участников Мюнхенской конференции, а также тем, что Берлин стал противодействовать установлению общей польско-венгерской границы. В подобной ситуации (пакет германских предложений о «генеральном урегулировании» еще не был передан Польше) Бек проявил заинтересованность в том, чтобы косвенно воздействовать на Берлин, на-

³⁴ См.: Гальянов В. Куда идет Польша // Там же. 1938. № 8. С. 68.

³⁵ Донесение Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне от 4.10.1938 г. (Documents Diplomatiques Français 1932–1939, 2-Ser. (1936–1939). Т. XII. Doc. 17. P. 28).

³⁶ Телеграмма Гжибовского в МИД от 9.10.1938 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. VI. Док. 262. С. 366. (далее: ДМИСПО). В записи этой беседы, сделанной Потемкиным, приводится более обтекаемая формулировка: «Советский Союз... будет и в дальнейшем укреплять свою хозяйственную мощь и свою оборону, не отказываясь от мирного сотрудничества с любым государством...» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 55).

чаев контригрой и открыто продемонстрировав стремление к поддержанию политики «равноудаленности», путем некоторого выравнивания отношений с соседом Варшавы на востоке. В связи с этим беседа Потемкина с польским послом 8 октября пришлась как нельзя кстати. Получив о ней отчет, Бек направил в Москву инструкции, согласно которым Гжибовскому следовало «поддерживать дружественные беседы и продвигаться в направлении уже продемонстрированной Потемкиным разрядки в наших непосредственных отношениях»³⁷.

Новая встреча Гжибовского с Потемкиным 20 октября положила начало серии его бесед с руководством Наркоминдела на основе высказанного послом предложения «подумать о существенном улучшении... взаимоотношений»³⁸. Последовавший интенсивный обмен мнениями обнаружил стремление советской стороны придать сближению двух стран внешне как можно более весомый характер, например, включив в совместное коммюнике пункт о консультациях по проблемам, представляющим взаимный интерес. Настойчивость, с которой отстаивалось это совершенно нереальное предложение³⁹, объяснялась тем, что таким образом увеличивались шансы на использование Польши в качестве эффективного рычага давления на Германию. Вместе с тем позиция, занятая руководством Наркоминдела во время бесед с польским послом, отличалась гибкостью и даже уступчивостью, что подтверждается согласием на публикацию польского проекта совместного коммюнике⁴⁰. По всей видимости, в Кремле придавали большое значение самому факту публикации и потому шли на уступки, касавшиеся его содержания.

³⁷ Инструкция Бека Гжибовскому от 18.10.1938 (цит. по: *Pagel J. Polen und die Sowjetunion 1938-1939: die polnisch-sowjetischen Beziehungen in den Krisen der europäischen Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges*. Stuttgart, 1992. S. 182.

³⁸ ДВП. Т. XXI. Док. 432. С. 598.

³⁹ Беседу Литвинова с Гжибовским 4.11.1938 г. см.: ДМИСПО. Т. VI. Док. 265. С. 370.

⁴⁰ Фрагменты записи беседы Литвинова с Гжибовским 25.11.1938 г. см.: Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. Док. 59. С. 113.

Однако эта покладистость не исключала давления на Варшаву по другим каналам. Так, меньше чем за неделю до опубликования совместного коммюнике в «Известиях» появилась статья собкора газеты в Праге, «раскрывающая» гипотетические планы Берлина, нацеленные на поэтапное расчленение Польши⁴¹. В целом инспирированное в печати и по дипломатическим каналам давление на Варшаву не принесло желаемых результатов. Оно не оказало никакого влияния ни на содержание польско-советского коммюнике, ни на состояние польско-германских отношений, развитие которых зависело совсем от других причин.

Опубликованное в советской и польской прессе 27 ноября 1938 г. коммюнике о беседах Литвинова и Гжибовского⁴², подтверждавшее в самой общей форме приверженность СССР и Польши договору о ненападении (1932 г.), гарантирующему «нерушимость мирных отношений между обоими государствами» не удовлетворило в полной мере ни одну из сторон. В Москве этим «довольно бесцветным» по определению Литвинова документом были весьма разочарованы⁴³. Руководство польского МИД, свою очередь, было встревожено тем как бы коммюнике не было излишне болезненно воспринято в Берлине, а посему подготовило специальное сообщение, которое Отдел печати распространил только среди немецких корреспондентов⁴⁴.

Напротив, советское руководство, обеспокоенное тем, что резонанс от «сближения» с Варшавой не таков, чтобы оказать давление на Берлин, старалось создать

⁴¹ Из истории Карпатской Украины // Известия. 1938. 21.11. С. 2.

⁴² Несколько отличающиеся по стилистике тексты коммюнике, опубликованные в СССР и Польше, см.: ДВП. Т. XXI. Док. 468. С. 650-651; ДМИСПО. Т. VI. Док. 267. С. 371.

⁴³ Телеграмма Литвинова временному поверенному в делах СССР в Польше П.П. Листопаду, 26.11.1938 г. см.: ДВП. Т. XXI. Док. 466. С. 649.

⁴⁴ См.: Год кризиса 1938-1939. Т. 1. Док. 64. С. 118-119. В пресс-релизе, в частности, говорилось, что «польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений» между двумя странами и «является результатом советской инициативы».

впечатление, что реальная ценность совместного коммюнике неизмеримо выше, чем можно заключить из его текста. 27 ноября Сталин решил использовать этот документ для дальнейшего втягивания Польши в якобы переговорный процесс. С этой целью было экстренно оформлено решение Политбюро, направленное на оперативное решение ряда вопросов, неоднократно поднимавшихся польской стороной: расширение торговли, восстановление польского кладбища в Киеве и католического костела в Москве, предоставление польскому посольству сведений об арестованных в СССР польских гражданах и др.⁴⁵ В соответствующем духе была выдержана и появившаяся на следующий день статья в «Известиях»⁴⁶. Ее содержание далеко выходило за рамки не только коммюнике, но и предшествовавших ему бесед руководства Наркоминдела с польским послом. Например, в ходе последних ничего не говорилось «о стремлении обеих сторон к укреплению мира в Восточной Европе». Адресованная Польше заключительная фраза статьи одновременно – возможно, даже в большей мере – предназначалась Германии: «Всякая страна, действительно желающая в послемюнхенской обстановке укрепить свою безопасность, должна считаться с Советским Союзом как с могучим фактором мира и может рассчитывать на его поддержку».

Таким образом, если в Варшаве всячески пытались свести до минимума впечатление об антигерманской направленности польско-советского коммюнике, делая это весьма заметно для наблюдателей, то советская сторона предпринимала все возможное, чтобы оттенить именно эту направленность документа. С этой целью в центральных органах печати помещали прежде всего те выдержки из зарубежных газет, в которых высказывались предположения об антигерманском «острие» коммюнике как отражающего, не в последнюю очередь, охлаждение в германо-польских отношениях⁴⁷.

⁴⁵ Протокол № 66 решений Политбюро от 27.11.1938 г. Особая папка // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 63.

⁴⁶ СССР и Польша // Известия. 1938.28.11. С. 1.

⁴⁷ Иностранная печать о советско-польских отношениях // Там же. 29.11. С. 1.

Советское руководство очень внимательно отслеживало «температуру» на германо-польских переговорах, получая порой информацию, включая копии документов, настолько оперативно, что она не успевала устареть даже для самих переговорщиков⁴⁸, что позволяло корректировать тактическую линию в отношениях с Польшей. До тех пор пока состояние этих переговоров (по оценкам Москвы) оставляло надежду на достижение какого-то компромисса между Берлином и Варшавой, советская сторона не прекращала усилий по «наведению мостов» в отношениях с Польшей.

Показательна в связи с этим история заключения торгового договора и ряда сопутствующих ему соглашений. Создавалось впечатление, что в конце 1938 г. советское руководство было особенно заинтересовано в максимальной публичности любых контактов именно с Польшей, независимо от их практического результата в рамках двусторонних отношений. Переговоры начались в Москве 19 января 1939 г. и завершились ровно через месяц подписанием торгового договора⁴⁹, ставшего первым подобного рода соглашением в истории двух государств. Однако атмосфера, в которой они проходили постепенно ухудшалась⁵⁰, что в конечном счете отразилось на содержательной стороне подписанного договора (сокращение объема товарооборота, отсутствие соглашения о транзите⁵¹), не говоря уже о его по-

⁴⁸ Подготовленные в германском МИД материалы к переговорам Риббентропа с Беком, в ходе намеченного на начало января 1939 г. визита польского министра в Германию, были получены для ознакомления посольством в Варшаве 28 декабря 1938 г. и, по-видимому, спустя всего несколько дней в Москве (см. сообщение советника германского посольства в Варшаве Р. фон Шелиа // Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 97. С. 163-164).

⁴⁹ Торговый договор между СССР и Польшей от 19.02.1939 г. см.: ДМИСПО. Т. VII. Док. 11. С. 34-38.

⁵⁰ Оценка дана по воспоминаниям польских дипломатов, принимавших участие в переговорах по выработке торгового договора (см.: *Pagel J. Op. cit. S. 216*).

⁵¹ Советское руководство рассчитывало использовать вопрос о транзите грузов, в том числе военного назначения, через территорию СССР в Польшу в качестве рычага давления на Варшаву, когда потребность в транзите станет особенно актуаль-

следующей реализации. Спустя еще полтора месяца, к концу марта 1939 г., практически не осталось и следа от акцентирования Москвой внимания на советско-польском сближении, в том числе в области торговых отношений.

Очевидно, по мере того как информация о все более обострявшихся германо-польских отношениях накапливалась, интерес Москвы к демонстрации сотрудничества с Варшавой стал резко убывать⁵². Кремль более не рассматривал контакты с Польшей как средство давления на третий рейх. Эта тактика себя не оправдала: ухудшение германо-польских отношений никак не было связано с демонстративными усилиями Москвы по сближению с Варшавой.

IV

Несмотря на усилившееся давление со стороны Берлина, Бек на протяжении декабря 1938 г. по-прежнему был уверен, что руководство третьего рейха не стремится к конфронтации с Польшей⁵³. И в то время это соответствовало действительности, поскольку Гитлер все еще рассчитывал на то, что польские руководители в итоге примут пакет его предложений о «генеральном урегулировании» отношений. Именно с такой установкой фюрер и провел встречу с Бекком 5 января 1939 г. Он не использовал жестких формулировок, когда речь заходила о предложениях Германии, хотя в памятных записках МИД, подготовленных для него в связи с ви-

ной. Отсюда нежелание Кремля урегулировать его в рамках обычного торгового договора. «Поляки поставили вопрос о транзите, который, вероятно, будет отложен разрешением на некоторое время, – отмечал Литвинов. – Мы стараемся не выпускать всех козырей из рук» (Письмо Литвинова Листопаду, 4.02.1939 г. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. П. 183. Д. 2. Л. 3).

⁵² Во внешнеполитической части доклада на XVIII съезде ВКП(б) Сталин даже не упомянул Польшу, хотя, казалось бы, заключение первого торгового договора между двумя государствами было несомненным позитивом в советской внешней политике и уж никак не ординарным событием.

⁵³ См.: *Prazmowska A.J.* Poland's Foreign Policy: September 1938 – September 1939 // *The Historical Journal*. 1986. Vol. 29. № 4. P. 858.

зитом польского министра, их содержалось достаточно⁵⁴. Даже коснувшись вопроса о Данциге, Гитлер старался создать впечатление о возможности достижения некоего компромисса, при котором город «политически станет немецкой общностью, а экономически останется польской»⁵⁵. Это был, конечно, полнейший нонсенс, но фюрер пытался таким способом «успокоить» собеседника, хотя и безуспешно. Последний, согласно польской записи беседы, достаточно откровенно заявил, что «не видит в инициативе (касающейся Данцига. – С.С.) эквивалента для Польши»⁵⁶. Не произвело впечатления на Бека и акцентирование внимания на общности интересов обеих стран в отношении СССР, экстраполированных на область недвусмысленного военного сотрудничества: «Каждая выставленная против России польская дивизия, – заметил Гитлер, – сэкономит соответствующую немецкую дивизию»⁵⁷. На следующий день в беседе с Риббентропом Бек однозначно отклонил предложение о присоединении к Антикоминтерновскому пакту. По его мнению, Польша, присоединившись к такому соглашению, не смогла бы сохранить то «мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия»⁵⁸.

В ходе визита в Германию Бек понял, что речь идет не об «играх» и амбициях Риббентропа, а о целенаправленной политике третьего рейха, за которой стоит прежде всего Гитлер⁵⁹, что предложения германской стороны, отнюдь не некий

⁵⁴ См.: ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. Anm. 3. S. 127.

⁵⁵ Запись беседы Гитлера с министром иностранных дел Польши Беком 5.01.1939 г. (Ibid. S.130).

⁵⁶ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 48. S. 71.

⁵⁷ Ibid. S. 70. Немецкая версия этого высказывания Гитлера звучит несколько дипломатичнее: «С чисто военной точки зрения, существование сильной польской армии означает значительное облегчение для Германии; дивизии, которые Польша должна была бы держать на русской границе, сэкономили бы соответствующие дополнительные военные расходы Германии» (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. S. 128).

⁵⁸ Запись беседы Риббентропа с Беком 6.01.1939 г. (Ibid. Dok. 120. S. 134).

⁵⁹ См.: *Szembek J. Dziennik i teki Jana Szembeka*. London, 1972. t. IV. s. 467-468 (запись от 10.01.1939 г.).

произвольный набор, допускающий изъятия или замены. Беседы с Гитлером и Риббентропом показали, что для них важна именно целостность этого пакета. Во всяком случае после доклада Бека польское руководство пришло к выводу, что в любых обстоятельствах следует занимать твердую и последовательную позицию в отношении германских требований, независимо от того, представляют ли они самодель политику рейха на данном этапе или служат лишь предлогом для осуществления более масштабных замыслов⁶⁰. Это решение Варшавы, принятое в январе 1939 г., имело принципиально важное значение для последующего развития событий⁶¹.

Менее определенными были выводы, сделанные нацистскими руководителями после бесед с польским министром иностранных дел. По всей видимости, в силе по-прежнему оставались рекомендации, сформулированные статс-секретарем МИД Э. фон Вайцзеккером накануне визита Бека: «Мы... выжидаем, пока он не станет податливее»⁶². Это «выжидание» нельзя назвать пассивным, но, поскольку обе стороны формально выразили согласие еще раз обдумать весь комплекс вопросов, составивших «эвентуальный договор» между Германией и Польшей⁶³, и Риббентроп принял приглашение посетить Варшаву в течение зимы 1939 г., было очевидно, что Гитлер все еще не утратил, хотя и явно пошатнувшейся, надежды достичь соглашения с Польшей. Пожалуй, это был единственный случай, когда он с таким упорством цеплялся за свой первоначальный замысел, становив-

⁶⁰ *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938-1939. Poznań, 1998. s. 187-188.*

⁶¹ Наркоминдел располагал информацией, что переговоры Бека в Германии «не внесли существенных изменений в польско-советские отношения и не разрешили ни одного спорного вопроса», но вместе с тем и не привели к обострению германо-польских отношений (письмо Литвинова Листопаду, 17.01.1939 г. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. П. 183. Д. 2. Л. 2).

⁶² Сопроводительная записка Вайцзеккера к материалам, направленным Риббентропу в связи с предстоящим визитом Бека от 2.01.1939 г. (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. Anm. 3. S. 127).

⁶³ *Ibid.* Dok. 120. S. 134.

шийся все более эфемерным. Пока же, до исхода ответного визита рейхсминистра в Варшаву, были отложены меры жесткого давления на польское руководство, в частности связанные с дальнейшей нацификацией Данцига⁶⁴.

Тем временем Гитлер осуществил весьма изящную акцию косвенного давления на Польшу. Речь идет о его краткой «беседе» с советским полпредом в Германии А.Ф. Мерекаловым 12 января 1939 г. во время приема глав дипломатических миссий в новом здании рейхсканцелярии по случаю Нового года⁶⁵. Этот, несомненно, заранее спланированный шаг незамедлительно вызвал широкий резонанс в дипломатических кругах и прессе, породив немало слухов, в том числе о якобы уже идущих переговорах по поводу заключения германо-советского военного пакта⁶⁶. Однако известные на сегодняшний день документы свидетельствуют, что в середине января 1939 г. «сигнал» Гитлера был адресован не Москве, а Варшаве. Продлив польскому руководству время на обдумывание пакета германских предложений, фюрер не упустил еще одну возможность помочь ему принять «правильное» решение, дав понять стоявшему во время приема рядом⁶⁷ с советским дипломатом послу Липскому, что другой вариант развития событий вовсе не исключен... Главным аргументом в пользу именно такой интерпретации поведения Гитлера являлось его отношение к СССР в тот период, исключавшее возможность сколько-нибудь серьезного сближения двух государств⁶⁸.

Визит Риббентропа в Варшаву, приуроченный к 5-й годовщине

⁶⁴ Запись о беседе Риббентропа с гауляйтером Данцига А. Форстером 13.01.1939 г. см.: Ibid. Dok. 122. S. 135.

⁶⁵ Телеграмма полпреда СССР в Германии А.Ф. Мерекалова в НКВД, 12.01.1939 г. // Год кризиса 1938-1939. Т. 1. Док. 110. С. 185-186.

⁶⁶ Служебный дневник пресс-атташе полпредства СССР в Германии А.А. Смирнова см.: АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 31 (запись от 19.01.1939).

⁶⁷ См.: Akten Reichskanzlei. Bundesarchiv Berlin (далее: ВА). R 43 II/855с. S.70.

⁶⁸ Подробнее см.: Случ С. Германия и СССР в 1918-1939 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Проэктора и др. М., 1995. С. 66–71.

подписания германо-польского соглашения 1934 г., не привел к сближению сторон, невзирая на заявление рейхсминистра, что между ними нет таких проблем, которые оба министра иностранных дел не могли бы решить⁶⁹. Польская позиция стала еще жестче, о чем свидетельствует не только отсутствие даже незначительного прогресса на переговорах, несмотря на все предпринимаемые Берлином усилия, но и весьма недвусмысленное предупреждение, сделанное Риббентропу, – не внушать Гитлеру излишнего оптимизма относительно их исхода⁷⁰. Не исключено, что Бек, проанализировав тактику нацистской дипломатии в ходе чехословацкого кризиса, пришел к выводу, что Гитлер и теперь занимается шантажом, а значит, необходима твердая позиция, исключая какие-либо уступки или даже намек на них, которая позволит выстоять в нынешней ситуации. «Мы, все-таки, не чехи!» – заметил он в разговоре со своим заместителем Я. Шембеком вскоре после отъезда Риббентропа⁷¹.

Даже получив явно неутешительную информацию об итогах визита своего министра в Варшаву⁷², Гитлер не спешил делать окончательные выводы. Менее чем через сутки после возвращения Риббентропа был отменен визит заведующего восточноевропейской референтурой Экономико-политического отдела германского МИД К. Шнурре в Москву для ведения переговоров об условиях предоставления кредита СССР⁷³. Это могло означать, скорее всего, нежелание

⁶⁹ Выдержки из записей об аудиенции Риббентропа у президента Польши И. Мосьцицкого и генерального инспектора вооруженных сил, маршала Э. Рыдз-Смиглы 26.01.1939 г. см.: *Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 51. S. 74*).

⁷⁰ *Szembek J. Op.cit. t. IV. s. 484* (запись от 1.02.1939 г.).

⁷¹ *Ibid.*

⁷² В Наркоминделе также получили информацию, что визит Риббентропа в Варшаву «закрепил лишь желание обеих сторон сохранять добрососедские отношения на базе соглашения 1934 года», не внося «никаких изменений ни в польско-советские, ни в польско-французские отношения» (Письмо Литвинова Листопаду, 4.02.1939 г. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. П. 183. Д. 2. Л. 3).

⁷³ См. телеграмму Мерекалова в НКВД и НКВТ, 28.01.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 126. С. 200–201.

Гитлера путем розыгрыша «русской карты»⁷⁴ создавать в тот момент впечатление о демонстративном обострении отношений с Польшей после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров.

Берлин по-прежнему предоставлял польскому правительству время «на раздумье». В традиционном выступлении Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г. особо выделялось стабилизирующее влияние «германо-польской дружбы» на развитие событий в Европе в 1938 г.⁷⁵ В феврале – первой половине марта 1939 г. в третьем рейхе продолжали действовать жесткие ограничения на публикацию негативных материалов о состоянии двусторонних отношений⁷⁶. Более того, именно в это время в Германии был издан сборник речей, заявлений и интервью Бека за годы его пребывания на посту министра иностранных дел Польши. В предисловии Бек характеризовался как «один из первых государственных деятелей не только в Польше, но и во всем мире, который постиг необходимость соглашения с германским рейхом»⁷⁷.

Затянувшаяся неопределенность в политике Берлина по отношению к Польше была, прежде всего, следствием неясности планов Гитлера. Меры, принимавшиеся немецкими дипломатами и военными по внешнеполитическому обеспечению антизападной стратегии третьего рейха (военные переговоры с Италией, усилия по трансформации Антикоминтерновского пакта в военно-политический союз трех держав и, наконец, попытки превращения Польши в са-

⁷⁴ См. служебный дневник временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова(!) //ДВП. М., 1992. Т. XXII, кн. 1. Док. 431. С. 548 (запись от 21.07.1939).

⁷⁵ *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1965. Bd. 2,1. S. 1065.*

⁷⁶ NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit. Edition u. Dokumentation. Bd. 7/I: Januar bis April 1939 / Bearb. von K. Peter. München, 2001. Anweisungen № 612, 616, 623, 717; Informationsbericht № 19 vom 4.03.1939. – BA. ZSg 101/34. S. 87.

⁷⁷ *Beck J. Beiträge zur europäischen Politik. Reden, Erklärungen, Interviews 1932–1939. Essen, 1939. S. XII.*

теллита), до сих пор не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. Гитлер упорно искал решение, которое позволило бы найти выход из сложившейся ситуации⁷⁸. В какой-то момент создалось даже впечатление (из-за отсутствия уже привычных интенсивных дипломатических контактов), что стоявшие перед Берлином и Варшавой проблемы утратили актуальность. Однако это было не так.

Ближе к середине февраля Гитлер принял ряд решений. Они касались в первую очередь Чехословакии, которой приблизительно через месяц должен был «нанесен смертельный удар»⁷⁹, но, кроме того, затрагивали непосредственно Польшу. Общая неясность ситуации побудила фюрера предпринять силовые операции – оккупировать Чехию, захватить Мемель. Форсирование этих запланированных еще осенью 1938 г. акций не диктовалось развитием международной обстановки. Можно предположить, что Гитлер решил обострить положение на континенте, фактически спровоцировав своими действиями ответную реакцию прежде всего тех держав, которые вместе с ним подписали Мюнхенское соглашение. Не менее важно и то, что этими действиями вносилась большая определенность в отношения с Польшей. Оккупация Чехии и включение Мемеля в состав третьего рейха вкупе с провозглашением самостоятельности полностью зависимой от Берлина Словакии, имевшей протяженную границу с Польшей, а также присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту – все это серьезно ухудшило стратегическое положение Варшавы. Поэтому Гитлер еще надеялся, что подобное развитие событий, не оставив для польского руководства иного выбора, кроме как сказать «да» пакету германских предложений, в конце концов вынудит Польшу к соглашению с ним. Тот факт, что среди объектов нацистской экспансии в марте 1939 г. не оказалось Данцига, подтверждает вывод о стремлении Гитлера пока что не идти на резкое обострение отношений с Польшей.

⁷⁸ «Он вновь прокручивает новые планы, – записал Геббельс в дневнике после встречи с фюрером 1 февраля (*Goebbels J. Die Tagebücher. Teil I: Aufzeichnungen 1923–1941 / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 1998. Bd. 6. S. 247*).

⁷⁹ *Die Weizsäcker –Papiere, 1933–1950 / Hrsg. von L. Hill. Frankfurt a. Main, 1974. S. 150. (Notiz vom 13.02.1939).*

В этих условиях дипломатическое давление Берлина на Варшаву вступило в заключительную, решающую стадию. 21 марта Риббентроп пригласил Липского для беседы, в ходе которой выплеснул на него как старые (фигурировавшие во время их встречи 28 февраля⁸⁰), так и новые претензии и упреки по поводу продолжавшихся антигерманских демонстраций студентов в ряде крупных польских городов, враждебной рейху кампании в польской печати, безрезультатной работы германо-польской комиссии о положении национальных меньшинств. Однако это была только прелюдия. Затем рейхсминистр прибег к откровенным угрозам в адрес государства, интересы которого представлял в Берлине его собеседник. В частности, для начала он напомнил, чем обязаны поляки Гитлеру: «В период правительства Шлейхера имелась возможность заключения союза марксистской Германии с Советским Союзом», случись это, «Польша сегодня едва ли существовала бы»⁸¹. Полагая, по всей видимости, что ошеломил Липского «воспоминаниями о будущем», Риббентроп вновь вернулся к пакету германских предложений Польше, представляя его как основу их совместной борьбы против СССР. Несмотря на то что за истекшие 2,5 месяца после переговоров Бека с руководством третьего рейха не произошло никаких сдвигов ни по одному из пунктов этих предложений, Риббентроп в весьма настойчивой форме предложил Липскому безотлагательно отправиться в Варшаву и передать приглашение Беку прибыть для переговоров в Германию, так как фюрер «пока изумлен странной позицией Польши по ряду вопросов; важно, чтобы у него не сложилось впечатление, что Польша просто не желает» соглашения, – подытожил рейхсминистр⁸².

23–24 марта высшее руководство Польши провело совместно с

⁸⁰ ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 131. S. 144-145.

⁸¹ Запись беседы Риббентропа с Липским 21.03.1939 г. см.: Ibid. Bd. VI. Dok. 61. S. 59); см. также проект телеграммы рейхсминистра послу Мольтке, 23–24.03.1939 г.

(Ibid. Dok. 73. S. 71-73; польскую версию этой беседы см.: Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 61. S. 81–85).

⁸² ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 61. S. 60

верхушкой МИД ряд встреч и совещаний, на которых обсуждалась ситуация, сложившаяся в польско-германских отношениях. При всем разнообразии мнений и рекомендаций, выявившихся в те дни, в одном имело место полное единство – об уступках Берлину не может быть и речи. «Мы должны теперь дать отпор немцам», – резюмировал в дневнике граф Шембек⁸³. Что касается существа германских предложений, все более трансформировавшихся в требования, то в деталях польское руководство готово было пойти навстречу Берлину – например, облегчить транзит через Польский коридор, заменить гарантии Данцига со стороны Лиги Наций на двусторонние и т.п., не уступая при этом ни на йоту в главном: никаких экстерриториальных магистралей на территории Польши и никакого изменения существующего статуса Данцига (вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту вообще не подлежал обсуждению)⁸⁴.

Вряд ли Бек и другие польские руководители просчитывали все возможные последствия отказа от германских предложений, в противном случае они, вероятно, иначе использовали бы те немногие месяцы, которые история им тогда отвела, прежде чем Польша была раздавлена ее нашедшими-таки «общий язык» соседями. В любом случае твердая позиция польского руководства, нашедшего в себе силы сказать «нет», несмотря на давление Берлина, стоит многого.

* * *

Таким образом, конец марта – начало апреля 1939 г. знаменовали собой рубеж в политике Германии и СССР по отношению к их соседу – Польше. В одном случае – начало перехода от политико-дипломатического давления на Польшу к подготовке силового решения «польской проблемы», в другом – поворот от использования сближения с Польшей как средства влияния на германо-польские и германо-советские отношения к сведению до минимума советско-польских отношений и

⁸³ *Szembek J. Op. cit. t. IV. s. 527* (запись от 23.03.1939).

⁸⁴ См.: *Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 62. S. 86-87.*

их значения для внешней политики Кремля. Синхронность этих двух процессов уже несла в себе зародыш тех стратегических клещей, с реальностью которых до того самого момента, когда они сомкнулись, не желало считаться высшее польское руководство, но на которые давно сделал ставку Сталин.

V

Еще до получения официального ответа Варшавы на последний демарш Риббентропа Гитлер понял, что даже «стратегические клещи», в которых оказалась Польша во второй половине марта 1939 г., не дали желаемого результата. Фюрер сообщил 25 марта главному сухопутных войск генерал-полковнику В. фон Браухичу, что пока не намеревается «решать польский вопрос», но его следует «разработать»⁸⁵. В этом указании звучала некоторая неопределенность, отражавшая колебания Гитлера. Однако под влиянием твердой позиции польского руководства, выразившейся также в частичной мобилизации резервистов и усилении ими воинских частей, дислоцированных в Польском коридоре, Гитлер начал все больше склоняться к силовому варианту решения «польской проблемы». Последним, хотя отнюдь не главным аргументом, подвигнувшим его к этому выбору, стало заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, сделанное им 31 марта в палате общин, о предоставлении гарантий независимости Польши⁸⁶. А это означало, что проблемы польско-германских отношений вышли за рамки двусторонних, чего Гитлер ни при каких обстоятельствах не собирался допускать.

На следующий день, 1 апреля, фюрер отдал распоряжение генералу Кейтелю о подготовке плана нападения на Польшу. Несмотря на то что уже 11 апреля Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг., важнейшей частью которой являлся план (общий замысел операции) войны с Польшей, это еще не означало, что он принял окончательное решение на этот счет.

⁸⁵ ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 99. S. 98.

⁸⁶ См.: Documents on British Foreign Policy (DBFP). 1919–1939. Third Series. London, 1951. Vol. IV. Doc. 582. P. 553.

Так, преамбула директивы указывает на отсутствие определенности в начале апреля 1939 г. в оценке политической ситуации и даже состояния собственно германо-польских отношений⁸⁷. Это наряду с прочими можно считать веским аргументом в пользу предположения, что окончательного решения о войне с Польшей Гитлер в то время еще не принял. Генерал В. Варлимонт, временно исполнявший весной 1939 г. обязанности начальника штаба оперативного руководства ОКВ, свидетельствовал осенью 1945 г., что, согласно переданным ему распоряжениям Гитлера, в разрабатываемой директиве необходимо было отразить, что «военные приготовления Германии пока преимущественно направлены на то, чтобы усилить дипломатическое давление, которое она и впредь стремилась оказывать на Польшу»⁸⁸.

Действительно, давление на Польшу, хотя и приняло иные формы, нарастало на протяжении апреля–мая 1939 г. Уже 5 апреля посольству в Варшаве было предписано прекратить обсуждение пакета германских предложений и польских контрпредложений. При этом особо подчеркивалось, что предложение, сделанное фюрером, было «единственным в своем роде», значение которого «польское правительство, по-видимому, осознало не в полной мере»⁸⁹. Одновременно с целью понижения уровня дипломатических контактов послу Мольтке было предложено незамедлительно отправиться «в отпуск» в Германию. Создавалось впечатление, что Берлин осуществляет своего рода дипломатическую обструкцию, близкую к замораживанию двусторонних отношений, что нередко предшествует их разрыву. Вместе с тем Гитлер по-прежнему сдерживал пропагандистскую машину рейха.

⁸⁷ Weisung des Obersten Befehlshabers der Wehrmacht für die einheitliche Kriegsvorbereitung der Wehrmacht für 1939/40 . Anl. II «Fall Weiss» // IMT. Vol. XXXIV. Doc.120-C. P. 388.

⁸⁸ Письменное показание, данное под присягой, генерала артиллерии в отставке Вальтера Варлимонта от 24.09.1945 г. – Archiv des Instituts für Zeitgeschichte. München. Bestand ZS 312/II: Warlimont Walter.

⁸⁹ Brieftelegramm des StS des AA E. von Weizsäcker an den Botschafter in Warschau H.-A. von Moltke vom 5.04.1939 // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 159. S. 161.

«Особо доверительная» установка германского МИД для прессы гласила: «Дверь перед Польшей не должна захлопываться! Максимум, что следует сделать, так это ее немножко прикрыть, чтобы одна щель все же оставалась для возможных дальнейших переговоров»⁹⁰.

Такова была прелюдия к крупномасштабной политико-пропагандистской акции Гитлера, его многочасовому выступлению в рейхстаге 28 апреля. «Польская проблема» заняла в нем, хотя и не слишком большое, но весьма значимое место. Изложив историю своих предложений по «генеральному урегулированию» двусторонних отношений и представив Польшу не как «дающую», а как «получающую» сторону (так как «Данциг никогда не был польским»), Гитлер выразил сожаление по поводу того, что его предложения были отклонены. Интерпретировав недавние польско-британские договоренности о взаимопомощи⁹¹ как одностороннее нарушение Польшей германо-польского соглашения (1934) о ненападении, фюрер объявил его «более не существующим!» Когда денонсируется договор о ненападении между двумя государствами, то, казалось бы, очевидно, что может последовать дальше. Однако в тот момент Гитлер вовсе не стремился предупредить о своих дальнейших намерениях, напротив, он пытался оказать максимальное давление на польское руководство как самим фактом аннулирования соглашения, так и оставлением в полном неведении о возможных последствиях этого шага. С этой целью Гитлер (причем совершенно неожиданно для присутствующих) заявил: все сказанное отнюдь «не означает изменения моей принципиальной позиции к указанным проблемам», т.е. «если польское правительство придает значение тому, чтобы прийти к новому договорному урегулированию отношений с Германией, то я буду это только приветствовать, правда, при условии, что подобное урегулиро-

⁹⁰ Ежедневная пресс-конференция в МИД Германии для представителей печати, 6.04.1939 г. (Цит. по: *Sänger F. Politik der Täuschungen. Mißbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen, 1933-1939. Wien, 1975. S. 375*).

⁹¹ Коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Бекком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Лондоне 4-6.04.1939 г. см.: DBFP. Third Series. Vol. V. Doc. 10. P. 35-36.

вание будет тогда основываться на совершенно четких и одинаково связывающих обе стороны обязательствах»⁹².

Выступление Гитлера в рейхстаге было направлено на то, чтобы максимально запугать польское руководство вероятной перспективой войны, что, как он полагал, теперь уже неизбежно должно было понудить к принятию его требований. Оставляя в стороне вопрос оправданности подобных расчетов, важно также констатировать все еще сохранявшееся в конце апреля 1939 г. у Гитлера стремление решить «польскую проблему» с помощью мощного политического давления, правда, уже принявшего формы латентной угрозы войной. Соответственно была сориентирована и пропагандистская машина. Сразу же после выступления Гитлера шеф отдела прессы при имперском правительстве Х. Фритче отдал следующее распоряжение: «В отношении Польши пока руководствоваться прежними директивами. Мы не стремимся начинать большую полемику <...> При случае та или иная газета может в несенсационной форме... сообщить о внутренних беспорядках (в Польше. – С.С.). Но сверх этого – ничего!»⁹³

В Берлине с нетерпением ожидали реакции польского руководства на речь Гитлера. И это несмотря на временами наступательный тон польской прессы и на то, что по дипломатическим каналам на протяжении апреля поступала информация о крайне нервном состоянии Бека, говорившего в частных беседах о стремлении решить германо-польские противоречия «путем мирных переговоров»⁹⁴. Одновременно польские дипломаты не уставали подчеркивать неизменно негативное отношение Варшавы к вопросу об участии их страны в каких-либо внешнеполитических и тем более военных акциях совместно с Советским Союзом, на чем, в частности, настаивали в Лондоне. Тем самым, как отмечали немецкие дипломаты, Польша вновь пыталась доказать, что «она представляет собой европейский барьер

⁹² Речь Гитлера в рейхстаге 28.04.1939 г. (*Domarus M.* Op. cit. Bd. 2,1. S. 1163).

⁹³ Цит. по: *Sänger F.* Op. cit. S. 376-377.

⁹⁴ Германское посольство в Варшаве – МИД 18.04.1939 г. – *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin* (далее: PA AA). Pol V 207. Bd. 8. S. 415330–415331.

против большевизма»⁹⁵. Эти и подобные им сообщения, хотя не давали оснований для избыточного оптимизма, фиксировали достаточно сложное положение Польши, которая, обретя британские гарантии, заручилась скорее моральной поддержкой, нежели могла рассчитывать на реальную помощь западных держав в случае нападения на нее Германии⁹⁶.

Однако политики и дипломаты третьего рейха вряд ли в полной мере отдавали себе отчет в том, насколько трудной была ситуация, в которой оказалось в тот момент польское руководство, особенно министр иностранных дел Бек. Отныне речь шла не о выборе между «да» и «нет» германским требованиям, этот выбор был сделан раньше. Но теперь, произнося публично «нет», Бек фактически должен был признать фиаско своей прежней внешней политики, хотя ограниченного, но достаточно интенсивного, особенно в 1938 г., сотрудничества с нацистской Германией, способствовавшей серьезному нарушению баланса сил в Центральной Европе и на континенте в целом в пользу Берлина.

В такой обстановке Бек 5 мая 1939 г. произнес на специальном заседании Сейма большую речь, которая по существу явилась ответом на выступление Гитлера в рейхстаге. При всей готовности продолжить переговоры с Германией на равноправной основе в ней перед всем миром была обозначена черта, за которой уже не оставалось места для компромисса с нацистским руководством. Министр иностранных дел закончил свою речь не без патетики, но с достойной уважения твердостью: «Мы, поляки, не знаем понятия “мир” любой ценой. У людей, народов и государств есть лишь одно благо, не имеющее цены, — честь»⁹⁷.

Официальный Берлин с явным неудовольствием воспринял речь Бека, хотя она не стала неожиданностью, о чем свидетельствовала начавшаяся антипольская

⁹⁵ Германское посольство в Лондоне – МИД 5.04. и 18.04.1939 г. – РА АА. R 29683. S. 34626, 34668–34669.

⁹⁶ См.: *Wehner G.* Großbritannien und Polen 1938-1939: Die britische Polen-Politik zwischen München und dem Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. Main; Bern, 1983. S. 225-226.

⁹⁷ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 77. S. 118.

кампания⁹⁸. Спустя несколько дней официоз «Фёлькишер Beobachter» обрушился с персональными нападками на руководителя польского МИД⁹⁹, который до того момента был своего рода «священной коровой» в глазах немецкой прессы¹⁰⁰. Дипломатические и разведывательные источники рейха сообщали о большом эмоциональном подъеме в польском обществе, вызванном этой речью. В конфиденциальной информации обращалось внимание на «объединение польских националистов и шовинистов вокруг польского министра иностранных дел» и тем самым усиление внутренней поддержки его внешнеполитического курса. Оценив ситуацию, в Берлине пришли к выводу: дестабилизация Польши изнутри путем ее «судетизации» неосуществима¹⁰¹.

Верховное командование вермахта и генеральный штаб сухопутных войск, казалось, не обращали никакого внимания на пикировку между Берлином и Варшавой, продолжая планомерную разработку оперативных планов и осуществляя организационно-штабные мероприятия, согласно полученным еще в конце марта указаниям. В конце апреля Браухич уже представил Гитлеру первый вариант планируемых операций против Польши¹⁰², а начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер – предварительный график развертывания

⁹⁸ *Goebbels J.* Quo vadis Polonia? // *Völkischer Beobachter* vom 5.05.1939; см. также: *Roschke C.* Der Umworbene «Urfeind». Polen in der nationalsozialistischen Propaganda 1934–1939. Marburg, 2000. S. 465-469.

⁹⁹ См.: *Völkischer Beobachter* vom 7.05.1939.

¹⁰⁰ *Sänger F.* Op. cit. S. 377.

¹⁰¹ Обзор внешнеполитических событий № 75 от 23.05.1939 г., подготовленный зарубежным отделом ОКВ, см.: Oberkommando der Wehrmacht N4900/39 geh. Ausl. Ia 23.05.1939. – Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg/Br. (далее: BA-MA). RW 5/v. 350; донесение посла Мольтке от 5.05.1939 г. (ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 355. S. 385-386) и пометки на нем Вайцзеккера (PA AA. R29683. S. 34776 – 34778).

¹⁰² См.: *Rohde H.* Hitlers Erster «Blitzkrieg» und seine Auswirkungen auf Nordosteuropa // *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* / Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 93.

войск, которое началось в мае¹⁰³. В отличие от довольно острых дискуссий, имевших место в среде высшего генералитета по поводу решения Гитлера о войне против Чехословакии, весной—летом 1939 г. ничего похожего не наблюдалось. Гальдер к этому времени настолько уверовал в политический талант фюрера, что, как известно из обнаруженного фрагмента записи его доклада, сделанного перед генералами и офицерами генштаба предположительно во второй половине апреля 1939 г., прямо-таки излучал оптимизм и «рвался в бой». Фактически еще до принятия *окончательного политического решения* о войне с Польшей, он заявил: «... Польша должна быть скорейшим образом не только разбита, но ликвидирована <...> все равно, нападут ли в нынешней обстановке Франция или Англия на западе, или нет...»¹⁰⁴.

Однако Гитлер все еще выжидал, что лишний раз свидетельствует о том, насколько непросто давалось ему предстоящее решение, насколько нежелательный вариант развития событий фактически навязывала ему Польша. Наконец 23 мая фюрер изложил свои взгляды на международную обстановку и последние военно-политические решения узкому составу высшего военного руководства¹⁰⁵. Это выступление выявило ряд существенных изменений произошедших к этому времени в его отношении к «польской проблеме».

Гитлер фактически признал ошибочность ставки на Польшу в ходе планируемой им войны против западных держав («Поляки не представляют собой дополни-

¹⁰³ См.: *Irving D.* Hitlers Weg zum Krieg. München, 1979. S. 378.

¹⁰⁴ Praktische und strategische Erwägungen zum kommenden Krieg gegen Polen. Auszug aus einem Vortrag des Chefs des Generalstabs Halder, gehalten vor Generalen und Generalstabsoffizieren im Rahmen eines Zyklus der Wehrmachtakademie. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1525/К. Оп. 1. Д. 440. Л. 5. Подробнее об этом выступлении Гальдера см.: *Hartmann Ch., Slutsch S.* Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939: Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heeres // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. Н. 3. S. 467–495.

¹⁰⁵ «Протокол Шмундта»: Отчет о совещании Гитлера с руководством вермахта 23.05.1939 г. см.: IMT. Doc. L-79. Vol. XXXVII. P. 546-556.

тельного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников»), а тем самым и нереалистичность своих многомесячных усилий по достижению соглашения с польским руководством. Он также признал, что его расчеты на втягивание Польши в Антикоминтерновский пакт как гарантию обеспечения германского тыла (против СССР) оказались несостоятельны («Польша – также сомнительный барьер против России»). Правда, это признание выглядело как результат некоего умозаключения, а не как следствие негативной позиции Польши в этом вопросе. Констатируя неотделимость решения «польской проблемы» от столкновения с западными державами, Гитлер не смог предложить удовлетворительного, с военной точки зрения, выхода из сложившейся ситуации («Столкновение с Польшей, начатое нападением на нее, приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры». «Уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключена, нет; в случае ее возникновения <...> лучше напасть на Запад и при этом одновременно покончить с Польшей»). Все эти установки явно противоречили одна другой, и на горизонте обозначилась перспектива войны на два фронта, которая была кошмаром для нескольких поколений германских политиков и генштабистов. Гитлер лишь мельком коснулся не менее серьезной, хотя и чисто гипотетической ситуации – создания союза западных держав и СССР, заметив, что такой союз «побудил бы его напасть на Англию и Францию, нанеся им несколько уничтожающих ударов». Что в этой ситуации предстояло делать с Польшей, оставалось неясным. По всей видимости, фюрер, выступая перед руководством вермахта, не мог обойти эту проблему как якобы несуществующую, но и не стремился сколько-нибудь подробно на ней останавливаться. Гитлер оставил практически без внимания вопрос о союзниках Германии. И это притом, что накануне был подписан «Стальной пакт» с Италией, который тем не менее не давал оснований рассчитывать на нее как на союзника в предстоящей войне¹⁰⁶. Япо-

¹⁰⁶ В середине апреля 1939 г. Муссолини уведомил Берлин, что Италия еще не готова к войне и ей потребуется 2-3 года для завершения подготовки к ней (ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 211. S. 217-219). Не в последнюю очередь это обстоятельство побудило Гитлера отдать распоряжение 23 мая о том, чтобы не информировать итальянское

ния «холодно относилась к совместным» с Германией действиям против Запада и уклонилась от присоединения к германо-итальянскому военному союзу, что опять-таки негативно сказалось на перспективе создания угроз Великобритании на периферии ее империи и тем самым отвлечения ее внимания от европейских проблем. С этой точки зрения, международная обстановка, в которой третьему рейху предстояло начать войну с Польшей и, скорее всего, вести ее также против западных держав, выглядела не слишком радужно.

Став препятствием на пути антизападной стратегии Гитлера, польское руководство не оставило ему иного выбора, кроме как «при первом подходящем случае напасть на Польшу». Главную задачу на ближайшие месяцы Гитлер сформулировал так: «изолировать Польшу», ибо «удача изоляции имеет решающее значение», а чтобы у присутствующих не создалось впечатление, что этот замысел не выполним, фюрер неожиданно дополняет свои рассуждения новым фактором: «не исключено, что Россия проявит незаинтересованность в разгроме Польши». Для подобного заключения у него к тому времени имелось уже достаточно оснований¹⁰⁷. Сформулированные Гитлером в ходе совещания с верхушкой вермахта 23 мая 1939 г. решения и задачи стали важной, если не решающей, вехой на пути подготовки Германии к нападению на Польшу, а тем самым, чего не исключал и сам фюрер, к войне на два фронта, т.е. к Второй мировой войне.

Риббентроп не присутствовал на совещании Гитлера с верхушкой вооруженных сил 23 мая, но, вероятно, был информирован о содержании его выступления и о том значении, которое в нем придавалось проблеме изоляции Польши. Наряду с проблематичным поведением союзных держав, руководство МИД не могло не беспокоить и продолжение англо-франко-советских переговоров¹⁰⁸. Поэтому Риб-

руководство касательно принятого решения о войне с Польшей (Ibid. Dok. 433. S. 482).

¹⁰⁷ Подробнее см.: Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 109–110.

¹⁰⁸ В центральном аппарате МИД не были склонны умалять шансы на достижение соглашения между СССР и западными державами, полагая, что существующие на

бентропу для решения поставленной фюрером задачи по изоляции Польши ничего не оставалось, как обратить более пристальное внимание на СССР, чтобы не допустить заключения англо-советского соглашения, что рассматривалось на Вильгельмштрассе как вполне осуществимое уже в самое ближайшее время.

По поручению рейхсминистра была подготовлена подробная инструкция для германского посла графа Ф. фон Шуленбурга¹⁰⁹, который должен был довести до советского руководства точку зрения германского правительства на отношения между Берлином и Москвой. В инструкции обращалось особое внимание на отсутствие в «реального противоречия внешнеполитических интересов» двух стран, что дает основание считать, что пришло время их «успокоения и нормализации», для чего необходимы «восстановление взаимного доверия и его практическая проверка». Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР, говорилось далее в инструкции. Более того, ее правительство было бы готово «по возможности учитывать интересы России» в ходе решения тем или иным путем «польской проблемы». Однако Гитлер не дал согласия на такие указания германскому послу в Москве¹¹⁰, так как инструкция переориентировала германскую дипломатию от «негативно-инструментального» курса в отношении СССР (недопущение англо-франко-советской коалиции) на «позитивно-инструментальный» (экономическое и, возможно, политическое соглашение), к чему фюрер в то время не был склонен.

Вместе с тем арсенал средств, необходимых нацистскому руководству для изоляции Польши, оказался почти пуст. Правда, Гитлер какое-то время все же надеялся, что Японии присоединится к германо-итальянскому военному союзу. Эта

переговорах «разногласия могут быть лишь технического или тактического характера» (Denkschrift «Haltung und Absichten der Sowjetregierung» vom 27.05.1939. – PA AA. R29999. S. 408832).

¹⁰⁹ Entwurf eines Instruktionstelegramms von Ribbentrops an Botschafter von Schulenburg, 26.(?) 05.1939 // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 441. S. 490-493.

¹¹⁰ Ibid. S. 491. Anm.1.

слабая надежда подпитывалась донесениями германского посла в Токио Е. Отта¹¹¹. И только заключение 24 июля англо-японского соглашения Арита –Крейги, позволившего избежать резкого обострения двусторонних отношений путем сдачи важных британских позиций в Китае¹¹², окончательно убедило Гитлера и Риббентропа, что рассчитывать на Японию как на отвлекающий Великобританию от событий в Европе фактор нельзя. «Отпадение» Японии не только нанесло серьезный удар по глобальной концепции Риббентропа – созданию антибританского «всемирно-политического треугольника»¹¹³, но и поставило под сомнение саму возможность локализовать германо-польский конфликт. Гитлеру стало очевидно, что Германия оказалась перед перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, без реальных союзников. В то время как двуединая сверхзадача заключалась в том, чтобы, начав войну с Польшей, во что бы то ни стало избежать борьбы на два фронта, т.е. длительной войны со многими противниками, и наносить им поражение поодиночке, добиваясь максимально возможной экономической неуязвимости Германии, не допустить ее блокады.

Не имея возможности решить эту проблему в рамках существовавших в середине лета 1939 г. условий, Гитлер попытался «приспособить условия» к решению поставленной им задачи, а именно: изменить расстановку сил на континенте. Во второй половине июля 1939 г.¹¹⁴ он принял решение добиться политического со-

¹¹¹ Ibid. Dok. 467, 548, 597, 619, 735.

¹¹² См.: Nakai A. Die Haltung Japans gegenüber dem europäischen Konflikt am Vorabend des Zweiten Weltkrieges // Deutsch-Japanische Freundschaft / Hrsg. von J. Schmidt. Preetz, 1980. S. 76.

¹¹³ Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933-1940: Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 254, 256.

¹¹⁴ 22 июля Шуленбург получил указание – возобновить беседы с руководством Наркоминдела об улучшении политических отношений (ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 700. S. 803). 24 и 26 июля Шнурре по поручению Риббентропа на встречах с Астаховым инициировал обсуждение вопроса о необходимости улучшения двусторонних отношений, впервые озвучив многие из тех немецких предложений, которые

глашения с СССР, которое обеспечило бы его благожелательный нейтралитет в грядущей войне.

Последние недели перед нападением на Польшу наряду с большой дипломатической активностью, предшествовавшей заключению договора о ненападении с СССР¹¹⁵, Берлин синхронно осуществлял два важных комплекса мероприятий, которые должны были, с одной стороны, накалить до предела польско-германские отношения, а с другой – убедить собственное население (но особенно общественное мнение западных держав) в том, что во всем происходящем виноваты исключительно поляки. Речь идет о постоянном провоцировании пограничных и таможенных инцидентов, разжигании межнациональных конфликтов, прежде всего с участием представителей немецкого меньшинства в Польше, ставшего одновременно орудием и жертвой агрессивной политики третьего рейха¹¹⁶, и максимально широком освещении в печати любых фактов, бросавших тень на Польшу и поляков. При этом степень достоверности или хотя бы правдоподобия не имела никакого значения. Так, проводившиеся Варшавой в последней декаде августа мероприятия оборонительного характера, вызванные резко обострившейся обстановкой на германо-польской границе, интерпретировались в немецкой печати как «лихорадочные приготовления к войне»¹¹⁷. 25 августа на пресс-конференции в Мини-

затем легли в основу советско-германского пакта о ненападении (см.: Ibid. Dok. 729. S. 846-849; Год кризиса. Т. 2. Док. 494. С. 120-122; Док. 503. С. 136-139).

¹¹⁵ Подробно о фактологической стороне советско-германских переговоров в конце июля – августе 1939 г. см.: *Fleischhauer I.* Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938-1939. Berlin; Frankfurt a. Main, 1990. S. 268-403; *Weber R.W.* Die Entstehungsgeschichte des Hitler–Stalin–Paktes 1939. Frankfurt a. Main, 1980. S. 223–258.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Aurich P.* Der deutsch-polnische September 1939. Eine Volksgruppe zwischen den Fronten. Berlin; Bonn, 1985; *Heike O.* Die deutsche Minderheit in Polen. Leverkusen, 1985. S. 439-446; *Jastrzebski W.* Der Bromberger–Blutsonntag. Legende und Wirklichkeit. Poznań, 1990; *Jansen Ch., Weißbecker A.* Der «Volksdeutsche Selbstschutz» in Polen 1939/40. Oldenbourg, 1992. S. 24–28.

¹¹⁷ См.: *Völkischer Beobachter* vom 23.8., 24.8.1939.

стерстве пропаганды журналисты получили указание «подать крупно на переднем плане» мобилизационные мероприятия Польши как «наступательные против Германии»; при таком освещении событий даже польские приграничные укрепрайоны именовались не оборонительными сооружениями, а «исходными позициями для запланированного наступления»¹¹⁸.

Очевидно, что Польша в одиночку была не в состоянии выстоять в борьбе с нацистской Германией. Поэтому ее руководство возлагало надежды на помощь западных держав¹¹⁹ в виде обещанного ей не позднее 15-го дня после начала мобилизации наступления основных сил французской армии, а также массированных ударов английской и французской авиации по территории рейха. Однако эти расчеты не оправдались. Несмотря на заключение 25 августа англо-польского военного союза, Великобритания, игравшая в то время ведущую роль среди западных держав, не собиралась (да и не могла) оказывать широкомасштабную оперативную помощь Польше, так как это не входило в планы западных держав, а ее вероятному поражению не придавалось сколько-нибудь важного значения¹²⁰.

В Берлине располагали значительной информацией о намерениях Лондона и Парижа, касающихся Польши. На совещании с Браухичем и Гальдером 14 августа Гитлер отметил: «Английский и французский генеральные штабы оценивают перспективы вооруженного конфликта очень трезво и не советуют» поли-

¹¹⁸ Цит. по: Sywottek J. *Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg*. Opladen, 1976. S. 227.

¹¹⁹ См.: *Wehner G.* Op. cit. S. 296.

¹²⁰ См.: *Prazmowska A.* *Britain, Poland and the Eastern Front*. Cambridge a.o., 1987. P. 176. Спустя три дня после подписания англо-польского военного договора, 29 августа Комитет имперской обороны Великобритании рекомендовал кабинету министров не принимать каких-либо решительных действий против Германии, даже в поддержку создавшей Восточный фронт Польши (Ibid. P. 168).

тическому руководству вмешиваться в него¹²¹. Поэтому неудивительно, что, когда Гитлер узнал о подписанном 25 августа англо-польском соглашении о взаимопомощи, он, хотя и сдвинул якобы под влиянием данного события сроки нападения на Польшу с 26 августа на 1 сентября (вопрос об истинных мотивах этого переноса по-прежнему остается неясным), но никаких принципиальных изменений в принятые решения не внес. И это понятно, поскольку 23 августа он смог записать на свой счет крупнейший внешнеполитический успех – заключение пакта со Сталиным. Сообщая высшему командованию вермахта о визите Риббентропа в Москву, Гитлер так охарактеризовал его влияние на предстоящую военную кампанию: «Теперь Польша находится в положении, в котором я хотел ее видеть»¹²². Это, по мнению фюрера, означало, что, поставленная им несколькими месяцами ранее важнейшая задача по изоляции Польши решена.

VI

После того как отношения с Польшей в Кремле перестали рассматривать в качестве рычага давления на Берлин, о чем уже упоминалось, они вернулись в свое привычное рутинное состояние. Ни резкое ухудшение международной обстановки, ни наличие реальных угроз самому существованию Польского государства не подвигли к тому, чтобы советское руководство даже попытаться что-либо изменить в связи с этим, оно явно довольствовалось тем, что Польша за помощью к нему не обращалась¹²³. И это при том, что объективно Польше как своего рода барьеру между СССР и Германией следовало отводить важное место в политиче-

¹²¹ *Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939-1942 / Hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung. Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. Bd. 1. S. 14.*

¹²² Выступление Гитлера перед главнокомандующими вермахта 22.08.1939 г. см.: ИМТ. Doc.798-PS. Vol. XXVI. P. 343).

¹²³ См.: Сообщение ТАСС // Известия. 1939. 22.03. С. 1; *Жданов А.* Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР // Правда. 1939. 29. 06. С. 1.

ских, военно-стратегических и дипломатических расчетах Кремля. Независимо от сиюминутных взаимоотношений с Польшей, сохранение ее в качестве значимого элемента конфигурации сил на Европейском континенте должно было отвечать национально-государственным интересам Советского Союза. Однако в этом, как и во многих других случаях, эти интересы вошли в резкое противоречие с субъективным фактором – взглядами и намерениями Сталина. Существование Польши заботило Кремль весной–летом 1939 г. только в качестве разменной монеты в крупной политической игре.

Трудно представить, чтобы советское руководство могло всерьез рассматривать вопрос об оказании прямой или хотя бы косвенной помощи Польше в случае нападения на нее нацистского рейха. Вот как трактовал позицию Кремля нарком Литвинов в строго конфиденциальном письме полпреду Сурицу от 11 апреля: «Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют»¹²⁴. Очевидно, что помощь Польше в их число не входила. Тогда возникает вполне закономерный вопрос: что же относилось к приоритетным внешне-политическим интересам советского руководства в условиях прямой угрозы существованию соседнего с СССР государства? На первый план были выдвинуты две основные задачи: (1) остаться вне надвигавшейся войны и (2) извлечь из нее максимальную выгоду, причем обе они были самым непосредственным образом связаны с политикой в отношении Польши.

В развитии отношений между Москвой и Варшавой с апреля по конец августа 1939 г. условно можно выделить три периода.

Первый, апрельский, был связан с интенсивными дипломатическими контактами. В начале апреля в ходе трех почти ежедневных встреч Литвинова и Гжибовского были сняты все неясности, возникшие в связи с отрицательной отношением польского руководства к британскому предложению о подписании декларации че-

¹²⁴ Письмо Литвинова Сурицу, 11.04.1939 г. см.: Год кризиса. Т. 1. Док. 262.

тырех держав, направленной на предотвращение агрессии в Европе¹²⁵. Гжибовский еще раз подтвердил нежелание Польши участвовать совместно с СССР в каких-либо акциях, направленных против Германии¹²⁶. Вместе с тем во время заключительной беседы Литвинов отметил изменения в политике Польши, которая, согласившись «заключить пакт о взаимной помощи с Англией в момент наибольшего обострения англо-германских отношений <...> невольно становится на путь коллективной безопасности»¹²⁷. Явно несанкционированную реплику Гжибовского, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью [и] к СССР», нарком парировал, несомненно, заранее заготовленной формулировкой: «она (Польша. — С.С.) может обратиться, когда будет уже поздно, и ... для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»¹²⁸. Из сказанного следовало, что предоставлению какой-либо помощи со стороны СССР должно предшествовать не просьба о ней, а политическое соглашение, содержащее не в последнюю очередь условия, на которых эта помощь может быть оказана. Опыт ряда балтийских государств, вынужденных спустя полгода после описываемых событий, в резко изменившейся международной обстановке, все-таки принять этот «данайский дар» СССР, свидетельствовал, что все опасения польского руководства на этот счет, каковы бы ни были их побудительные мотивы, имели под собой весьма серьезные основания.

Следующий этап советско-польских отношений приходится на май 1939 г. Преемник Литвинова на посту Наркоминдела, казалось, решил придать им динамику и спустя всего несколько дней после вступления в должность пригласил к себе польского посла. Ознакомив Гжибовского с содержанием советских контр-

¹²⁵ Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши от 21.03.1939 см. Там же. Док. 210. С. 310.

¹²⁶ Запись беседы Литвинова с Гжибовским 4.04.1939 г. см. Там же. Док. 251. С. 358.

¹²⁷ Там же. С. 359.

¹²⁸ Там же.

предложений Лондону и Парижу от 17 апреля¹²⁹, Молотов в непринужденной форме поставил перед ним вопрос: «... что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений»? Подобную, несколько необычную для руководителя внешнеполитического ведомства, постановку вопроса можно было бы «списать» на неосведомленность Молотова во всех тонкостях польской позиции. Однако последовавшая затем дискуссия показала, что новый нарком совсем неплохо ориентировался в ситуации, в частности, выдвинув те же самые (высказанные ранее его предшественником) претензии к недавним англо-польским договоренностям. При этом Молотов особо подчеркнул «неприемлемость такого положения, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР»¹³⁰.

В Варшаве в тот момент были, несомненно, заинтересованы в более стабильных, не ставящих под угрозу заключенные ранее политические и торгово-экономические соглашения, отношениях с СССР. Оказавшись в состоянии жесткой, пока еще политико-дипломатической, конфронтации с Берлином, руководство польского МИД, разумеется, не собиралось шарахаться в другую сторону и идти на тесное сотрудничество с СССР. Вместе с тем Бек стремился закрепить достигнутый уровень торгово-экономических связей и регулярных дипломатических контактов как важный показатель нормализующихся отношений. Он проявил инициативу и высказал желание встретиться с Потемкиным, возвращавшимся через Варшаву из поездки по ряду стран Юго-Восточной Европы¹³¹. Молотов, дав разрешение на этот контакт, подчеркнул в направленной для беседы с Бекон инструкции: «Главное для нас – узнать, как у Польши обстоят дела с Гер-

¹²⁹ ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 229. С. 283–284.

¹³⁰ См. запись беседы наркома иностранных дел СССР Молотова с Гжибовским, 8.05.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 326. С. 437–438.

¹³¹ Служебный дневник Листопада. – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 141. Л. 93 (запись от 8.05.1939).

манией»¹³². Именно это прежде всего интересовало Кремль, а вовсе не изыскание путей и приемлемых вариантов убеждения польского правительства в необходимости в той или иной форме поддержать советские предложения о коллективном противодействии агрессии.

Данное обстоятельство тем более важно отметить, что беседа Потемкина с Беком состоялась 10 мая, т.е. накануне второй встречи Молотова с Гжибовским, в ходе которой он передал официальный ответ Варшавы на вопросы, поставленные наркомом несколькими днями ранее. В нем особенно выделялись два пункта, не оставлявших места для двойственного толкования:

1) Польша никому не делегировала полномочий вести переговоры о предоставлении ей гарантий, считая это исключительно своим правом;
2) Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР «ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Резюме Молотова об этой беседе гласило: «Польша не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласием на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает этого на будущее»¹³³ (подчеркнуто мной. – С.С.).

Было ли для советского руководства что-то неожиданное в такой позиции Варшавы? Конечно, нет. Ведь уже первое приглашение Гжибовского к Молотову являлось всего лишь одним из элементов в той большой игре, которая, по замыслу Сталина, вступила в решающую стадию с устранением Литвинова с поста наркома иностранных дел. Кремлю на этом этапе не важны были те позитивные сдвиги, которые наметились за предшествующие месяцы в отношениях с Польшей, а фиксация негативной позиции ее руководства на предложения советской стороны.

¹³² Телеграмма Молотова Потемкину (в Варшаву), 10.05.1939 г. // ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 293. С. 352.

¹³³ Запись беседы Молотова с Гжибовским, 11.05.1939 г. см. Там же. Док. 298. С. 357.

17 мая начальник Разведывательного управления РККА комдив И.И. Проскуров направил Сталину полученное по агентурным каналам спецсообщение о ближайших планах Гитлера¹³⁴, раскрывавшее механизм германской политики в отношении Польши. Обращаю внимание на два содержащихся в нем положения, которые не могли ни вызвать повышенного интереса Сталина, о чем свидетельствовала его резолюция на полях¹³⁵. Первое: «если Польша не согласится с германскими предложениями и не капитулирует в ближайшие недели, что вряд ли можно предположить, то в июле–августе она будет подвергнута нападению»; второе: «в случае конфликта мы хотим при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР».

Принимая во внимание ближайшие внешнеполитические цели Сталина, очевидно, что главной задачей нового советского полпреда в Польше Н.И. Шаронова должно было стать отслеживание состояния польско-германских отношений. При этом немалую озабоченность вызывало не их обострение и вероятное перерастание в войну, а напротив, возможность достижения компромисса между Варшавой и Берлином на основе пакета германских предложений. Так, получив в 20-х числах мая информацию о колебаниях в настроении Бека, касавшихся дальнейшего развития отношений с третьим рейхом¹³⁶, Москва незамедлительно направила соответствующие инструкции Шаронову. Следуя им, полпред в беседе с Беком позволил себе почти недипломатическую реплику, отражавшую озабоченность Кремля:

¹³⁴ Сообщение И.И. Проскурова И.В. Сталину от 17.05.1939 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216-219. Источником информации был один из доверенных сотрудников рейхсминистра иностранных дел, советник «бюро Риббентропа» д-р П. Кляйст, поступавшие от него сведения, как правило, подтверждались.

¹³⁵ Там же. С. 216.

¹³⁶ См. донесение сотрудника советской разведки о беседе с советником германского посольства в Варшаве Шелиа от 25.05.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 375. С. 498; О колебаниях Бека в этот период см. также: ДМИСПО. Т. VII. Док. 69. С. 114-115; *Graml H. Europas Weg in den Krieg: Hitler und die Mächte 1939. München, 1990. S. 214.*

«...мы вполне понимаем политику и положение Польши, но политика уступок, независимо от их размеров, м[ожет] б[ыть] чревата всякими нехорошими последствиями, и за уступкой маленькой деревни можно дойти до потери независимости». На это Бек ответил достаточно определенно: «... если немцы думают, что Польша не будет воевать потому, что мы спокойно ведем себя, то они ошибаются. Мы уже дали им небольшой урок, второй урок будет серьезнее первого»¹³⁷. В Кремле могли быть спокойны: Польша идти на уступки не собиралась, что по имевшейся информации означало войну.

Отличительная черта третьего (июньско-августовского) этапа в советско-польских отношениях – сведение к минимуму контактов руководства Наркоминдела с польским послом, а также круга обсуждавшихся вопросов, что являлось характерным симптомом свертывания отношений. Советская сторона отказалась от заключения специального соглашения о взаимном транзите товаров через территорию Польши и СССР под предлогом, что «вопрос о транзите военных грузов поставлен был Польским правительством преждевременно»¹³⁸. Это заявление стало большой неожиданностью для поляков, явно рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через территорию СССР¹³⁹. Видимо, для того чтобы как-то сгладить неприятный осадок, оставшийся в Варша-

¹³⁷ Служебный дневник полпреда СССР в Польше Н.И. Шаронова – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 141. Л. 114. (запись от 2.06.1939).

¹³⁸ Запись беседы Потемкина с Гжибовским 10.06.1939 г. см.: ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 362. С. 451.

¹³⁹ До заключения торгового договора должен был действовать запрет на транзит оружия и военного снаряжения через территорию обеих стран, оговоренный ст. XXII Рижского мирного договора 1921 г. (ДВП. М., 1959. Т. III. Док. 350. С. 640). Однако в Дополнительном протоколе к торговому договору между СССР и Польшей от 19.02.1939 г. констатировалось, что вопросы, касающиеся урегулирования транзита товаров через территорию обоих государств, «будут предметом особого соглашения, переговоры о заключении которого начнутся в Москве не позже, чем через четыре месяца со дня вступления в силу настоящего протокола» (ДМИСПО. Т. VII. Док. 13. С. 39-40).

ве от этого шага Москвы, Шаронов при очередной встрече с заместителем министра иностранных дел Шембеком 14 июня заверил его, что в нынешней международной обстановке «не нужно опасаться никакого вооруженного конфликта»¹⁴⁰.

Если отказ от заключения транзитного соглашения можно назвать недружественным Польше актом, то заключение пакта о ненападении с нацистской Германией в той форме и в то время, когда это было осуществлено советским руководством, не иначе – как откровенно враждебным действием в отношении Варшавы. Но прежде чем это произошло, «польскому фактору», почти исчезнувшему с середины мая из дипломатической дискуссии СССР с западными державами, предстояло еще сыграть якобы решающую роль в ходе закончившихся неудачей англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г.

Несмотря на то что многие советские документы, связанные с трехсторонними, прежде всего политическими, переговорами весной–летом 1939 г. остаются по-прежнему недоступными исследователям, что не позволяет прояснить их отдельные, порой важные, аспекты, их общая картина в целом достаточно ясна. В частности, переговоры военных делегаций априори не могли привести к положительному результату, так как ни одна из сторон не приняла на этот счет соответствующего политического решения, преследуя исключительно свои цели и не будучи склонна к поиску компромисса. При этом политическое руководство трех стран рассматривало московские переговоры как средство давления на нацистскую Германию: западных держав – для устрашения Гитлера «кошмаром коалиции», советское – для достижения политического соглашения с ним, обеспечивавшего расширение «сферы интересов» СССР на международной арене.

Отсутствие политической воли к соглашению и обоюдное недоверие проявилось и в неподготовленности московских переговоров как таковых, и в выдвижении маршалом Ворошиловым ультимативных условий уже в ходе второго дня заседаний, согласно которым «наше (СССР) участие в войне возможно только на

¹⁴⁰ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 166. S. 238.

территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии»¹⁴¹. Вопрос о пропуске иностранных войск на территорию суверенного государства, причем не просто транзитом, но для ведения боевых действий – это вопрос в первую очередь политический, а не военный. Его решение могло быть результатом только прямых переговоров и договоренностей между всеми заинтересованными сторонами на самом высоком уровне. Нежелание польской, как, впрочем, и советской, стороны даже вести подобные переговоры убедительно свидетельствует о том, что «польскому вопросу» на англо-франко-советских переговорах Кремль отводил исключительно инструментальную роль, а именно – торпедирование этих переговоров под «благовидным» предлогом¹⁴².

Пойдя на соглашение с третьим рейхом в той форме, в какой это имело место 23 августа 1939 г.¹⁴³, советское правительство сразу же нарушило статью 3-ю договора о ненападении между СССР и Польшей, заключенного 25 июля 1932 г., а затем продленного 5 мая 1934 г. до конца 1945 г., что еще раз было подтверждено в совместной декларации обоих правительств 27 ноября 1938 г. Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне»¹⁴⁴. Принимая во внимание не вызывающие сомнения ближайшие шаги нацистского руководства по отношению к Польше, о чем Сталин был информирован из самых разных источни-

¹⁴¹ Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции 13.08.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 548. С. 207.

¹⁴² См.: Инструкция народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции от 7.08.1939 г. // ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 453. С. 584.

¹⁴³ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, 23.08.1939 г. // Там же. Док. 484. С. 630-632.

¹⁴⁴ Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой от 25.07.1932 г. // Внешняя политика СССР. Сборник документов / Под ред. Б.Е. Штейна. М., 1945. Т. III. Док. 176. С. 557.

ков, в том числе из «первых рук»¹⁴⁵, советско-германский пакт, несомненно, может быть квалифицирован как враждебное Польше соглашение. В своей преданной гласности части, *de jure* он являлся договором о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. предоставлял агрессору полную свободу действий. На это указывает, в частности, формулировка статьи II советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., несомненно, входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши. Как провидчески отмечал Литвинов еще в 1934 г.: «... двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения на другие государства»¹⁴⁶. Что же касается Секретного протокола, представлявшего, по выражению советского руководства, «органическую часть пакта»¹⁴⁷, то он зафиксировал договоренность двух государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой должна была стать Польша¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Письмо Гитлера Сталину, 20.08.1939 г. См.: ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 582. С. 302.

¹⁴⁶ Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности. Беседа тов. М.М. Литвинова с французским журналистом Зауервейном // Известия. 1934. 29.06. С. 1.

¹⁴⁷ Памятная записка, врученная Молотовым Шуленбургу 17.08.1939 (см.: ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 470. Прил. С. 612).

¹⁴⁸ Попытки представить Секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении как носящий «достаточно аморфный характер», не предусматривав-

Итак, политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши фактически совпали. Гитлер, выступая 22 августа 1939 г. перед верхушкой командования вермахта, обозначил цель — «уничтожение Польши». «Речь идет не о достижении какого-то определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага»¹⁴⁹. Соответственно была сформулирована и директива ОКВ¹⁵⁰. В свою очередь, Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. следующим образом сформулировал свое отношение к польской проблеме: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистич. систему на новые территории и население»¹⁵¹. Что касается Красной Армии, то соединениям ее двух только что созданных фронтов, Белорусскому и Украинскому, были поставлены как оперативные задачи — «уничтожить и пленить вооруженные силы Польши», действующие восточнее предварительно согласованной линии раздела Польского государства по Секретному протоколу¹⁵², так и политические — «решительно выступить на помощь тру-

ший «никаких **реальных** территориальных изменений или оккупации “сфер интересов”» (см.: *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001. С. 398-399), притом, что в этом документе, помимо всего прочего, решение вопроса о сохранении независимого Польского государства и его границах оставляли за собой участники соглашения (пункт 2 Протокола), не относясь к научному анализу данной проблемы.

¹⁴⁹ *Halder F.* Kriegstagebuch. Bd. 1. S. 25 (запись от 22.8.1939).

¹⁵⁰ См.: ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 185. S. 187.

¹⁵¹ Цит. по: 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. под ред. В.П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. Прил. № П18. С. 584.

¹⁵² Боевой приказ № 01 штаба Белорусского фронта от 15.09.1939 г. — РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

дящимся Западной Белоруссии и Западной Украины»¹⁵³. Так, в модифицированном виде начиналось практическое осуществление сталинско-потемкинского сценария четвертого раздела Польши¹⁵⁴, несколько откорректированного Гитлером, который отвел Советскому Союзу роль наковальни.

¹⁵³ Приказ № 005 Военного совета Белорусского фронта от 16.09.1939 г. войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии // *Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы* / Отв. сост. Н.С. Лебедева, В. Матерский. М., 1997. Док. 5 С. 63–65. Аналогичные приказы были отданы и командованием Украинского фронта.

¹⁵⁴ Почти за полтора года до этих событий Потемкин (весьма доверенное в то время Сталину лицо) следующим образом обрисовывал будущие процессы в треугольнике Берлин – Варшава – Москва: «Гитлер учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками. Когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически, выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости» (Письмо Потемкина Сурицу, 4.04.1938 г. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 30).